

Литература и лингвистический анализ художественного текста

УДК 82:811:808:[81'1+81'38]

*И. П. Зайцева,
А. Ю. Черникова © 2024
Учреждение образования
«Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова»
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. И. П. Зайцева)*

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ НАГРУЖЕННОСТЬ НЕЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ПЕРСОНАЖНОЙ РЕЧИ ПОВЕСТИ И. С. ШМЕЛЁВА «БОГОМОЛЬЕ»

В статье анализируется своеобразие речи одного из ключевых персонажей повести И. С. Шмелёва «Богомолье» — плотника Горкина, высказывания которого, в большинстве своём имеющие форму монологизированных реплик, занимают значительную часть словесного пространства художественного прозаического текста. Это своеобразие в значительной степени определяется включением в речь персонажа разного рода нелитературных элементов языка — прежде всего диалектизмов, а также просторечных и разговорных слов и выражений, которым присуща не только явная характерологическая функция, но и функция придания изложению особой — разговорно-непринуждённой в сочетании с народнопоэтической — тональности.

Ключевые слова: общенародный язык, художественная речь, И. С. Шмелёв, нелитературные элементы, композиционно-речевая зона персонажей, характерологическая функция, тональность текста.

Язык произведений художественной литературы, или **художественная речь**, представляет собой уникальное явление как в принципе, так и будучи реализованным в конкретном литературно-художественном произведении какой бы то ни было жанрово-стилистической принадлежности. В настоящее время определение этого понятия остаётся в науке дискуссионным (именно поэтому в соответствующих справочных источниках, как правило, приводится несколько значений данного терминологического выражения), хотя большинство исследователей при его толковании подчёркивает отличие этого феномена от языка, используемого преимущественно в практических целях (прежде всего — для передачи какой-либо информации, т. е. *речи нехудожественной*). Так, например, известный лингвист Ю. С. Степанов в словарной статье «Язык художественной литературы», помещённой во втором издании энциклопедии «Русский язык», первое из его двух приводимых значений определяет так: «1) язык, на котором создаются художественные произведения (его лексикон, грамматика, фонетика), иногда, в некоторых обществах, совершенно отличный от повседневного, обиходного («практического») языка» [14, с. 666].

Помимо этого, большинство исследователей отмечают, что своеобразие художественной речи (в этом случае данное понятие нередко определяется как *поэтический язык*) обуславливается прежде всего присущей ей особой функцией, которая при практическом пользовании языком либо вообще отсутствует, либо проявляется лишь фрагментарно: **эстетической функцией**. Ср. в связи со сказанным характеристику художественной речи Л. А. Новиковым, в концепции которого это понятие синонимизируется с понятием «поэтический язык»: «**Поэтический язык**, художественная речь, — язык поэтических (стихотворных) и прозаических литературных произведений, система средств художественного мышления и эстетического освоения действительности.

В отличие от обычного (практического) языка, у которого основной является коммуникативная функция ..., **в поэтическом языке доминирует эстетическая**

(поэтическая) **функция**, реализация которой сосредоточивает большее внимание на самих языковых представлениях (фонических, ритмических, структурных, образно-семантических и др.), так что они становятся самоценными средствами выражения» (во втором случае выделено нами. — И. З., А. Ч.) [9, с. 356].

Среди основных качеств художественной речи, обусловленных в первую очередь присущей ей эстетической функцией, практически все исследователи называют *образность*, которая, однако, может быть выражена различными способами («В художественной **речи все единицы образны, но не в равной мере**: одни из них представляют собой центр экспрессии (см., напр., тропы, фигуры речи), другие — его периферию (подготовку образа, его развёртывание и т. п.)» (выделено нами. — И. З., А. Ч.) [9, с. 358]; тесно взаимосвязанные с образностью *экспрессивность* и *эмоциональность*, которые могут присутствовать в словесно-художественной структуре в разной степени; *повышенную ассоциативность*, свойственную словесному пространству литературного произведения (Ю. М. Лотман отмечал, что, поскольку в художественном тексте актуализируются все возможные связи между элементами, всякий такой элемент становится носителем определённого смысла [7]), а также постоянную ориентацию «на сознательное и активное изменение, на поиск новых выразительных возможностей, а в иных случаях — на оригинальность» [16, с. 1257].

Ещё одной характерной особенностью художественной речи являются её неограниченные возможности для привлечения, для поиска новых выразительных возможностей — в том числе, **всех** имеющихся в общенародном языке средств. На эту, свойственную лишь художественной речи, особенность также неоднократно указывают исследователи: «Поэтический язык тесно связан, с одной стороны, с литературным языком, который является его нормативной основой, а с другой — с общенациональным языком, откуда он **черпает разнообразные характерологические языковые средства, например, диалектизмы** при передаче речи персонажей или для создания местного колорита изображаемого» (выделено нами. — И. З., А. Ч.) [9, с. 356]; «речь художественная вбирает в себя разные формы речевой деятельности, включая нехудожественные (напр. дневники или мемуары, смс-цитаты, отрывки из электронных писем и многое другое). От первоначального коллективного мифотворчества до современного многообразия личностных форм литературных произведений речь художественная развивается в условиях взаимодействия традиций (создание и утверждение норм) и новаторства (культивирование отклонений от этих норм)» [6, с. 208] и т. п.

Опираясь на схему общенародного (национального) языка, где представлены все его основные составляющие, которая предложена Н. Б. Мечковской в её работе «Социальная лингвистика» [8, с. 31], можно составить достаточно полное представление о разнообразии входящих в структуру этого феномена коммуникативных средств языка, лежащих за пределами литературности:

ОБЩЕНАРОДНЫЙ ЯЗЫК	Литературный (нормированный) язык	Кодифицированный литературный язык	Официально- деловые стили	Научно- технические стили	ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
			Язык радио, телевидения, газет		
			Устная публичная речь		
		РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ			
	Некодифициро- ванная речь				
Нелитературные формы существования языка			Просторечие	Молодежное арго, сленг	
			Территориальные диалекты	Профессиональное просторечие, социальные арг.	

Как можно убедиться, в соответствии с предложенной концепцией, общенародный язык, являющийся «совокупностью всех форм существования языка», состоит из языка литературного (нормированного) и нелитературных форм его существования. Литературный язык включает в себя кодифицированные группы языковых средств нормированность которых зафиксирована в соответствующих источниках (официально-деловые и научно-технические стили речи; язык радио, телевидения, газет; а также устная публичная речь), а также некодифицированные средства языка, используемые преимущественно в сфере разговорного общения.

Как явствует из приведённой схемы, к нелитературным формам существования языка принадлежат: просторечие; молодёжное арго и сленг; территориальные диалекты; профессиональное просторечие социальные, арго.

Индивидуальный стиль некоторых русских прозаиков, талантливых писателей, которые уже завоевали признание как литературно-критической, так и читательской общественности, отличается особое внимание именно к литературным средствам общенародного языка, которые, в их произведениях, будучи введёнными в их произведения, нередко выполняют не одну, а несколько функций, придавая при этом художественному тексту безусловное своеобразие.

К таким писателям, бесспорно, принадлежит **Иван Сергеевич Шмелёв** (1873–1950), русский писатель, публицист и мыслитель, интерес к творчеству которого в последние десятилетия значительно вырос: одно из свидетельств этого — регулярно проводимые научно-практические конференции «Шмелёвские чтения», на которых обсуждаются как различные аспекты его философской концепции, так и особенности его индивидуально-авторской манеры, реализованной в его словесно-художественных произведениях. Так, в минувшем, 2023-ем году, в Алуште, городе, где расположен музей И.С. Шмелёва, прошли XXVII Крымские Шмелёвские чтения «Русские писатели и Крым», приуроченные к 150-летию со дня рождения И.С. Шмелёва и 30-летию музея писателя (конференция открылась 20 сентября 2023 г.), в которых приняли участие исследователи из Института мировой литературы РАН и других ведущих научных и образовательных учреждений.

И.С. Шмелёв, начиная с раннего периода творчества, стремился показать в своих литературно-художественных произведениях быт и традиции жизненного уклада патриархальной России, прежде всего — крестьянства и купечества. При этом судьба его была весьма трагичной: после Гражданской войны, разразившейся в России в начале прошлого века, он вынужден был эмигрировать во Францию, где были созданы его самые известные произведения — «Богомолье» и «Лето Господне». Даже при первом знакомстве с повестью «Богомолье», написанной в 1931 году, очевидно повышенное внимание автора к использованию языковых средств, находящихся за пределами литературного языка: *просторечия* (как общего характера, употребляемые носителями русского языка с невысоким уровнем речевой культуры на всей территории распространения русского языка, так и профессионального свойства); *социальные арго* и, конечно же, *диалектизмы*, использование которых в описываемый в повести период (детство самого рассказчика, Вани Шмелёва, которое пришлось на предпоследние десятилетия XIX в.) в русской крестьянской речи было весьма частотным. Кроме того, вводимые в художественный текст единицы диалектного языка, как правило, не только наделялись характерологической функцией, но и служили маркерами социального статуса персонажа, косвенно указывая, из какой местности.

Словесно-художественное прозаическое произведение, с точки зрения последних достижений научного знания (см., например, работы Н. А. Кожевниковой [5], А. И. Горшкова [3] и других исследователей), понимается как структура, в которой взаимодействует несколько композиционно-речевых зон, основными из которых являются композиционно-речевая зона *автора* и композиционно-речевая зона *персонажей*, внутри

которых — в зависимости от реализуемых в каждом конкретном случае типов и форм речи — выделяются менее объёмные композиционно-речевые фрагменты. В настоящее время разноаспектное исследование такого взаимодействия только начато, тем более что в последние десятилетия в русле данного подхода сформировались новые аспекты рассмотрения языка художественной прозы (к примеру, коммуникативно-стилистический); таким образом, обозначенная проблема остаётся на сегодня одной из **актуальных** проблем изучения художественной прозаической речи.

Цель настоящей публикации — рассмотреть особенности функционирования в персонажной речи повести И. С. Шмелёва «Богомолье» языковых элементов, принадлежащих к нелитературным коммуникативно-речевым средствам, установив их основные функции.

Материалом исследования послужил текст повести И. С. Шмелёва «Богомолье» [17].

При проведении исследования использовались как *общенаучные методы* (наблюдения, сопоставления и систематизации), так и *общефилологические*, включающие приёмы интерпретации и сравнительного анализа языкового материала, и *частнолингвистические* (метод толкования словарных дефиниций и контекстологический анализ).

Предваряя анализ конкретного текстового материала, целесообразно сделать несколько принципиальных, с нашей точки зрения, замечаний. Во-первых, при анализе включённых в словесно-художественное произведение нелитературных единиц языка необходимо учитывать, что границы между рядом их групп весьма подвижны, а также могут меняться с течением времени. В связи с этим различные справочные и лексикографические современные источники, на которые мы будем опираться при анализе текстового материала, могут по-разному квалифицировать одни и те же языковые единицы, относя их либо к *устаревшим*, либо к *просторечным*, либо к *диалектным*, или *областным*. Так, весьма «зыбкой» оказывается граница между просторечиями и диалектизмами, прежде всего потому, что просторечие «образовалось на базе городских койне при влиянии диалектной среды. В XIX в. это был «язык народных масс, находившийся во взаимодействии с крестьянским языком» [Виноградов 1982]. В настоящее время просторечие — одна из форм национального языка наряду с литературным языком, диалектами и жаргоном» [4, с. 488].

Во-вторых, безусловно, анализируя словесно-художественное произведение, созданное почти веком ранее, в котором изображена русская действительность последних десятилетий XIX в., необходимо учитывать, что языковой ландшафт того времени существенно отличался от современного: большинство нелитературных средств речевого общения составляли именно *диалектные* средства языка, часть их которых на современном этапе развития языка получила несколько иную стилистическую квалификацию.

Поэтому выявление литературных единиц языка, введённых в персонажную речь повести «Богомолье», и определения их функций логично начать именно с рассмотрения диалектизмов различных типов, являющихся «представителями» определённых территорий, на которых в конце XIX века был распространён общенародный русский язык. При толковании значений выявленных диалектизмов мы будем опираться на наиболее полный и авторитетный лексикографический источник описания диалектного языка — академическое издание «Словаря русских народных говоров», издание которого на сегодня ещё незакончено (первый выпуск вышел в 1965 году; к настоящему моменту издано 52 выпуска). В тех случаях, когда анализируемая единица языка в упомянутом словаре отсутствует, по мере необходимости, будут привлекаться такие академические толковые словари, как: «Словарь современного русского литературного языка» в

17 томах, изданный в 1950–1965 гг. (этот словарь известен также как БАС — Большой академический словарь); «Большой академический словарь русского языка (издаётся с 2004 г., к настоящему моменту издано 27 томов; издание продолжается; данный словарь известен также как БАС-3); «Толковый словарь русской разговорной речи», издаваемый с 2014 г. (к настоящему времени вышло в свет пять выпусков; издание продолжается).

Как уже было отмечено, единицы диалектного языка в более ранние периоды существования общенародного русского языка, в частности в изображаемое в повести «Богомолье» времени (конец XIX века) употреблялись в общении значительно активнее, нежели на этапе современного существования русского языка, когда сфера использования диалектных средств значительно сузилась.

В связи с этим целесообразно кратко охарактеризовать, на какие сегменты дифференцируется диалектные языковые средства, объединённые в одну из нелитературных разновидностей национального языка (относящиеся к этой разновидности средства употребляются на конкретной территории или используются определённой группой лиц, относящихся к одному социальному или профессиональному классу). В пространстве русских диалектов выделяют три основных разновидности, именуемые *наречиями*, или *группами говоров*: *северное* наречие, *южное* наречие и группа *среднерусских говоров*. Среднерусские говоры, как несложно предположить, представляют собой пространство *синкретичных* единиц языка — иногда часть среднерусских говоров обладает *северными* признаками, а другая часть *южными*; именно поэтому ряд признаков, которые присущи среднерусским говорам, характеризуется нерегулярностью — т. е. они либо присущи не всем говорам данного подразделения, либо функционируют не регулярно.

В диалектологии существует ещё одна — как представляется, актуальная и для современных исследований — классификация диалектов, в соответствии с которой русский диалектный язык делится на *западные* и *восточные* наречия, поскольку у этих объединений диалектных средств языка имеется ряд признаков, существующих вне зависимости от их принадлежности к северному или южному наречию. В этом случае к западному наречию относят Ладого-Тихвинскую, Новгородскую, Псковскую и Смоленскую группы говоров, а к восточному наречию — говоры Вологодской, Костромской, Владимирско-Поволжской, Тульской, Рязанской, частично Курско-Орловской групп и также восточные среднерусские акающие говоры.

Диалектные средства присутствуют в речи практически всех персонажей повести И.С. Шмелёва «Богомолье», сколько-нибудь полный анализ функционирования которых в рамках одной статьи представить, безусловно, невозможно. В данном случае мы остановимся на рассмотрении речевого портрета персонажа, которому принадлежит наиболее объёмная часть высказываний: это плотник **Горкин**, с которым отец после долгих уговоров отпускает таки маленького Ваню на богомолье в Сергиев Посад, к *Преподобному*, как сам Горкин это определяет, имея в виду Сергия Радонежского.

В повести «Богомолье» Горкину принадлежит несколько развёрнутых *монологизированных* реплик — именно они позволяют создать достаточное полное представление о своеобразии его речи. Одна из таких реплик в первой части повести («Царский золотой») представляет собой уединённый (ни к кому не обращённый) монолог, который Горкин произносит, собираясь в дорогу:

«— Это вот возьму и это возьму... две **сменки**, да... И ещё **рубаху**, **расхожую**, и **причащальную** возьму, а ту на дорогу, про запас. А тут, значит, у меня **сухарики**.. — **пошумливает** он **мешочком**, как **сахарком**, — с **чайком** попить — **пососать**, дорога-то **дальная**. Тут, стало быть, у меня **чай-сахар**... — **суёт** он в мешок коробку из-под **икры** с **выдавленной** на крышке **рыбкой**, — а **лимончик** уж на ходу **прихватчу**, да... **ножичек**, **поминанье**... **суёт** он **книжечку** с **вытесненным** на ней **золотым крестиком**, которую я

тоже знаю, с раскрашенными картинками, как исходит душа из тела и как она ходит по мытарствам, а за ней светлый Ангел, а внизу, в красных языках пламени, зелёные нечистые духи с вилами, — а это вот, за кого просvirки вынуть, **леестрик**.... А это Сане Юрцову вареньица баночку снесу, в квасной послушание теперь несёт, у Преподобного, в монахи готовится... от Москвы, скажу, **поклончик-гостинчик**. **Бараночек** возьму на **дорожку**...» (выделено нами. — И. З., А. Ч.) [17, с. 7].

В приведённом фрагменте речи Горкина функционирует несколько диалектизмов, принадлежащих к различным типам. Это три *собственно лексических диалектизма*:

— **сменка**: «**СМЕНКА** ... 2. ... одежда для замены другой одежды, требующей смены. ... — Это грабёж. — Не положено, — отвечали мне. — А сидеть в ноябре без итанов положено? Дайте мне какую-нибудь сменку, что ли... (Г. Жжёнов. Прожитое)» [15, IV, с. 197];

— **расхожая** (рубаша) в значении 'на каждый случай' («**Расхожий**, ая, ее ... 10. Неприхотливый, неразборчивый. Пек., Осташк., Твер. 1855. Латв ССР, Эст ССР.

— Доп. [Знач.²] *И надета была у его шуба-то расхожая. Во пуговках литы лютые звери. Да во петельках шиты люты змеи.* Онеж., Гильфердинг» [12, XXXIV, с. 302]);

— (всё) **по черёду** (надо), который в одном из академических толковых словарей середины XX в. квалифицирован как просторечный и устаревший элемент языка (том «Словаря русских народных говоров с соответствующим словом ещё не выпущен): «**Черёд** ... 1. Устар. и простореч. ...♦ По черёду. По очереди, по порядку. [Тарас:] Вот вам постояльца привёл.. [Марфа:] К Степаниде бы ставил.. А ты всё к нам да к нам. [Тарас:] По черёду ставим. Л. Толст. От ней все качества ... Если кто-нибудь из нас торопился протянуть ложку к чашке раньше деда, он хмурил брови, размахивался и бил виновника ложкой по лбу. — Куда лезешь? По черёду бери! Гладк. Пов. о детстве [13, XVII, стб. 857–858].

В тексте присутствуют также диалектизмы *фонетические*, или *орфоэтические*, которых отличаются произношением от литературно-нормативных вариантов: (*дорога-то*) **дальная** (вместо даль[н'ь]я); **леестрик** (вместо [р]еестрик).

Помимо этого, речь Горкина изобилует **деминутивами** — «субъективно-оценочными, уменьшительно-ласкательными, увеличительными, уничижительными и т. п. лексическими единицами языка» [18, I, с. 45], которые являются характерными признаками как для диалектного языка, так и для произведений устного народного творчества: *сухарики, лимончик, ножичек, вареньица баночку, бараночек, на дорожку*. Ещё более выразительной особенностью указанных коммуникативно-речевых сфер является попарное употребление тематически связанных либо синонимичных номинаций, которое также имеет место в анализируемом текстовом фрагменте: *чай-сахар, поклончик-гостинчик* (в последнем случае этот приём отличает повышенная экспрессия, поскольку сопрягаются деминутивы, в значении которых изначально присутствуют образно-оценочные элементы).

Примечательно, что в речи Вани, которая в данном случае имеет форму слов автора, обрамляющих реплику Горкина, в целом ориентированной на литературную норму, тоже присутствуют некоторые диалектизмы, а также единицы речи, которые могут быть отнесены как к диалектизмам, так и к разговорно-просторечной лексике: *пошумливает*, («**Пошумливать** ... Разг. Шуметь слегка или время от времени. Серебряный самовар пошумливал, брюзжал по-стариковски. Шишк. Угрюм-река, II, 7» [13, X, стб. 1757]); *мешочком, сахарком, с рыбкой, книжечку, крестиком*.

В этой же, первой, части помещён обширный, занимающий почти три страницы печатного текста, рассказ Гиркина Ване Шмелёву о многих событиях собственной жизни: о том, как сохранила его Царица Небесная; о такой легендарной для Вани личности, как Мартын («— А ты мне про Мартына всё обещался...») т. п. Этот протяжённый рассказ,

лишь изредка прерывающийся лаконичными авторскими ремарками, полностью проанализировать в рамках статьи, конечно, невозможно; далее приводится фрагмент из этого объёмного «рассказа в повести»:

*«Да ты погоди, послушай: расскажу тебе про нашего Мартына. Всего не расскажешь... а вот слушай. Чего сам он мне **сказывал**, а потом на моих глазах всё было. И всё суцая правда.*

*— Повёл его отец в Москву **на роботу**... — **поокивает** Горкин мягко, как все наши плотники, володимирцы и костромичи, и это мне очень нравится, ласково так выходит, — плотники они были, как и я вот, с нашей стороны. Всем нам одна **дорожка**, на Сергиев посад. К Преподобному зашли... **чугунки тогда и помину не было**. Ну, зашли, всё честь честью... **помолились-приложились, недельку**. Преподобному **пороботали топориком**, на монастырь, да...пошли к Черниговской, **неподалечку**, старец там проживал — спасался. **Нонче** отец Варнава там народ утешает — **басловляет**, а то до него был, тоже хороший такой, **прозорливец**. Вот тот старец благословил их на хорошую **роботку** и говорит **пареньку**, Мартыну-то: «Будет тебе **талан** от Бога, только **не проступись!**» Значит — правильно живи смотри. И ещё ему так сказал: «**Ко мне-то побывай** когда».*

***Роботали** они хорошо, удачливо, **талан** у Мартына **великой** стал, такой глаз верный, рука надёжная... лучшего плотника и не видал я. И по столярному хорошо умел. Ну, понятно, и по филенкам **чистяга** был, лучше меня, пожалуй. Да уж я **те** говорю — лучше меня, значит — лучше, ты не перебивай. Ну, отец у него помер давно, он один и **стал в людях**; сирота. К нам-то, к дедушке твоему покойному, Ивану Ивановичу, царство небесное, он много после **пристал-порядился**, а всё по разным ходил — не уживался. Ну, вот слушай. **Талан** ему был от Бога... а он, тёмный-то... — понимаешь, кто? — своё ему, значит, приложил: выучился Мартын пьянствовать. Ну, его **со всех местов** и гоняли. Ну, пришёл к нам работать, я его **маленько** поудержал, **поразговорил** душевно, — ровесники мы с ним были. Разговорились мы с ним, про старца он мне и помянул. Велел я ему к старцу тому побывать. А он и думать забыл, сколько **годов** прошло. Ну, побывал он, **ан** — старец-то тот и помер уж, годов десять уж. Он и расстроился, Мартын-то, что не побывал-то, наказу его-то не послушал... совестью и расстроился. И с того дела к другому старцу и не пошёл, а, прямо тебе сказать, в кабак пошёл! И пришёл он к нам назад в одной рваной рубашке, стыд глядеть... босой, **топорик** только при нём. Он **без того топорика** не мог быть. **Топорик** тот от старца благословен... вон он самый, висит-то у меня, память это от него мне, **отказан**. Уж как он его не пропил, как его не отняли у него — не скажу. При дедушке твоём было. Хотел Иван Иванович его не принимать, а прабабушка твоя Устинья вышла с **лестовкой**... молилась она всё, **правильная была по вере**... и говорит: «Возьми, Ваня, грешника, приюти... его Господь к нам послал» (выделено нами. — И. З., А. Ч.) [17, с. 8–9].*

Приведённый фрагмент демонстрирует значительно большее разнообразие элементов общенародного языка в речи Горкина, нежели рассмотренный ранее текст. Это довольно обширная группа *лексических* диалектизмов, часть которых объединена в характерные (свойственные именно диалектной речи) выражения:

— (сам он мне) **сказывал** («**СКАЗЫВАТЬ** ... Устар. и прост. 1. Излагать, сообщать что-либо; говорить. [Тит Титыч:] Где Андрюшка? Сказывайте скорей, а то искать примусь. А. Остр. В чужом пиру» [1, XXV, с. 622]);

— **чугунки тогда и помину не было** (**ЧУГУНКА** ... 3. Устар. и простореч. Железная дорога, сокращение сочетания чугунная дорога. — *Ехать надо было тридцать пять верст на лошадах и восемь часов по чугунке*. Л. Толст. Крейц. Соната» [13, XVII, стб. 1158]; **ПОМИН** ... 1. Устар. Вспоминание; упоминание. ... ~ **И помину (помина), и в помине нет, не было** о ком-, чём-либо. Совсем нет, не было, не существует, не существовало вовсе; и речи нет, не было о ком-, чем-либо. Особенности обстоятельства не

позволили мне остаться, тем более, что зимний путь разрушался (тогда о шоссе еще не было и помину). С. Акс. Знак с Державиным» [13, X, стб. 1186]);

– **помолились-приложились** («**Прилагаться**, *несов.*; **приложиться**, *сов.* 1. Прикладываться (устами), целовать. *Сны к мёртвым устам что прилагались, Оны в Землюшку ему да поклонилися. На лопату богу молятся, Они пням да прилагаются.* Олон., Агренева-Славянская. *Все попы-отцы теперечко прощаются, К телесам оны его да прилагаются* (причит.). Север., Барсов.» [11, XXI, с. 270]);

– **неподалечку** («**Неподалечу** ... нареч. Фольк. То же, что неподалёко. *Что деревня от деревни Неподалечу стоит* (песня). Олон., 1870» [11, XXI, с. 113]);

– **нонче** («**Нонче** ... 1. В настоящее время, теперь; ныне. Тамб., 1851. Курск., Ряз., Петров. Сарат., Ставроп. Кубан. *Нонче ведь такие времена, Сушат жён хорошие мужья.* Терск. Русск. говоры на Буковине, Моск., Поозер. Новг., Волхов. Ленингр. *Бывало дак худо, нонче не прежне.* Арх. *Было-то времечко баско, прекрасно, Когда-то мил-то меня да любил, Да нонче-то горькую, бедну-злосчастну Миленький бросил да позабыл.* Печор. *Нонче не плетут уже.* Сыктывк. Коми АССР. Волог., Яросл., Галич. Костром., Балахн., Семен. Нижегород., Волго-Камье, Киров., Перм., Сев.-вост. Башк. АССР, Казан., Чистоп. Казан., Ср. Урал, По нижн. и средн. теч. р. Урал, Ишим. Tobол., Том., Кемер., Омск., Новосиb., Абакан. Краснояр., Енис.» [11, XXI, с. 277]);

– **прозорливец** («**ПРОЗОРЛИВЕЦ** ... 1. Устар. Человек, обладающий способностью предвидеть будущее. [Короваев:] *Так вы святым стали?* [Горбылев:] *Как же-с. Прозоривцем-с.. Стал я будущее предвидеть и тайны всякие постигать.* Черныш. Драма без развязки» [1, XXI, с. 54];

– **не проступись** («**Проступаться** ... проступиться ... 4. Проступиться кому-л. Провиниться, совершить проступок. *В чём тебе я проступилась?* Стариц. Твер., 1912. ◇ Проступиться правой ногой. *Я каку вину, родитель, провинилася, Я правой ногой у вас ли проступилася?* Олон., Агренева Славянска» [12, XXXII, с. 255]);

– (ко мне-то) **побывай** («**Побывать** ... 2. Побывать домой, *сов.* Съездить, сходить домой. *Полно, милый, тужить — горевать! Лучшие съездить домой побывать, Черноброву свою повидать.* Чебокс. Казан., Соболевский» [12, XXVII, с. 211]; «**ПОБЫВАТЬ** ... Устар. ◇ Побывать к кому-либо, куда-либо. *Мужик с Змеєю подружился.. С тех пор все прежние приятели, родня, Никто к нему ногой не побывает.* Крыл. Крест. и Змея» [13, X, стб. 54–55]);

– (он один) и **стал в людях** («**Люди** ... б) В наречных сочетаниях. ◇ В люди (попасть, ходить, бежать и т. п.). К посторонним чужим людям (попасть, ходить и т. п.). *Половики каждый двор ткёт, а за стенами в люди ходят. Куда, в люди что ли ты попала, попала к своим.* ... Ряз., Ряз. ... ◇ В людях. а) В других местах, где живут другие люди. *По-русски говорят, калитка — дверь в огород, у нас засовня, а в людях заворы; по-нашему, рига, а в людях овин.* Капш. Ленингр., 1947–1964. ... ◇ По людям ходить. Нищенствовать, побираться. *Жили мы бедно, дед по людям ходил*» [11, XVII, с. 242]);

– **пристал-порядился** («**Поряжаться** ... порядиться ... 1. Наниматься на работу Слов. Акад. 1847. *Порядился так проданся* (не свой) Даль. *Я порядилась* (я нанялась) Волог., 1897. *И посылает (купец) бабушку хозяйку (на фатере что) на торги поряжаться, дворец строить* (сказка). Новг., Калуж., Перм., Горно-Алт. ◇ **Поряжаться**, **порядиться** в работники, в пастухи и т. п. Во бурлаки порядиться Астрах., 1876. *Порядился в пастухи.* Влад. *И говорит мужик бабе: — Ну, баба, я пойду поряжусь к богатому мужику в работники.* Волог. *Я в работницы поряжаюсь, а мне говорят: — Зря ты, девушка, поряжаешься, у них худо жить.* Арх. ... *Порядится человек с десятины косить* Р. Урал. *Порядился сделать сруб за десять рублей.* Сиб.» [12, XXX, с. 129–130]; «**Пристать** ... 3. Располагаться во время пути на отдых, ночлег, временно поселиться, находить приют где-л. Даль. Пск., 1902–1904. *В городе я пристававал у дяди.* Пск., Смол.,

Арх., Сыктывд Коми АССР, Вят. *Жил сиротой — пристать негде*. Оренб. *Перво дело ссыльному надо было пристать Ты у кого пристал?* Забайкалье. || Оставаться, продолжать находиться где-л. *Сколько зайца не корми — в лес уйде, любой зверь пристане, только заяц не пристане*. Холмог., Пинеж., Арх., 1959 Арх. ◇ *Приставать, пристать к кому-, чему-л* *Прииёл Иван-царевич в большой город пристал отдохнуть к бабушке — задворенке*. Арх., Афанасьев. *Сторож говорит: — Если пристать не к чему, живи у меня (сказка)*. Свердл.» [12, XXXI, . 402];

– **маленько** (поудержал) («**МАЛЕНЬКО** ... Прост. Немного, чуть-чуть. *Месяц-то хоть и не возиёл ещё, а всё же видно маленько*» [1, IX, с. 441]);

– **поразговорил** (душевно) («**Поразговориться** ... Разг. Постепенно разговориться. [Вихорев:] *Ну, знаешь, поразговорились, то да сё, а тут уж долго ли влюбиться*. А. Остр. *Не в свои сани*» [13, X, с. 1358]);

– **ан** («**АН** ... Прост. 1. Союз противит. Связывает два предложения, второе из которых выражает несоответствие, противоположность тому, что ожидается на основании первого; оказывается, но вдруг, а на самом деле и т. п. *Воеводы не дремали. Но никак не успевали. Ждут, бывало, — с юга, — глядь, — Ан с востока лезет рать!* Пушкин. Ск. о золот. петушке» [1, I, с. 188]);

– (совестью) **расстроился** («**1. Расстраиваться**. ... Устар. Р а с с т р а и в а т ь с я , р а с с т р о и т ь с я чем. [Артиллерия] *взорвала.. все их патронные ящики; усмотрев, сколь расстроился неприятель последнюю потерю, потребовали мы сдачи*. Давыд. Приложение к партиз. дневнику. *Войною в Испании расстроились бы французские финансы, потому Вильель никак не соглашался на неё*. Черныш. *Борьба партий во Франции*» [1, XII, стб. 839]);

– (мне) **отказан** («**2. Отказывать** ... несов. отказать, сов. ... 1. Оставлять в наследство, завещать. Слов. Акад. 1822. *Прииёл меньшей царевич, вспрыснул отца живой водой — и он стал видеть лучше прежнего, начал благодарить Василья-царевича и отказал ему всё своё царство*. Новг., Афанасьев. Арх., Сев.-Двин. *Отказала (невеста) свой зелен сад своему родному батюшке*. Пск., Смол., Калинин., Орл., Ряз., Саратов., Горьк. *Тебе тятка отказал баню — иди с сестрой в баню живи*. Перм. Вост. *Закамье, Урал. Перед смертью он всё отказал в церкву*. Том. «Отказывают.. сумму денег в пользу церкви». Тулун. Иркут., Виноградов Слов. Акад. 1959» [с пометой «устар.».]. ◇ О т к а з а т ь на кого. *Отказать на отца*. Смол., 1890» [12, XXIV, с. 194]);

– **с лестовкой** («**Лестовец** ... Чётки у старообрядцев; лестовка. ... *Лестовец такой брали и молились*. Галицк. Свердл.» [11, XVII, с. 14]);

– **правильная по вере** («**ПРАВИЛЬНЫЙ** ... ◇ Разг. О человеке. — *Батюшка у меня — старик правильный*. Л. Толст. Воскресение» [1, XI, стб. 14–15]).

При этом поражает и разнообразие территорий, к которым «привязаны» выявленные диалектизмы, что подтверждают сведения из словарных статей «Словаря русских народных говоров»: как можно убедиться, в речи Горкина встречаются диалектные слова и выражения из самых разных мест территориального распространения общенародного русского языка, представляющих все его три основных наречия. При этом, конечно, нельзя не заметить превалирования среди этих единиц тех, которые функционируют в говорах севернорусского наречия: Архангельских, Северодвинских, Пермских, Новгородских, Горьковских, Закамских и т. п.

Довольно разнообразны и функционирующие в рассматриваемом тексте и фонетические (орфоэпические) диалектизмы, что находит отражение в таком произношении, как: **басловляет** (вместо рекомендованного литературной нормой произношения [блѣѣ] *словляет*); неоднократно употребляемое **талан** (вместо *тала[нт]*). При этом часть из диалектизмов подобного характера точнее было бы определять как *фонетико-грамматические*, поскольку своеобразие их произношения обуславливается ненормативным

образованием тех или иных грамматических форм: (*талан*) *великой* (диалектное окончание имени прилагательного мужского рода *-ой* вместо рекомендованного литературной нормой *-ий*); *те* (*говору*) (ненормативное образование формы дательного падежа местоимения *ты*: *те* вместо *тебе*); *со всех местов* (просторечно-диалектное образование формы родительного падежа от имени существительного *места*: *местов* вместо *мест*); (*сколько*) *годов* (*прошло*) (просторечно-диалектное образование формы родительного падежа от имени существительного *годы*: *годов* вместо *лет*).

И, конечно же, нельзя не обратить внимание на постоянное подчёркивание присутствия в речи Горкина одной из самых характерных фонетических особенностей говоров севернорусского наречия — **оканья** («ОКАНЬЕ. Диалектный тип вокализма русских говоров, при котором гласные фонемы неверхнего подъёма [а] и [о] сохраняют свои различительные признаки в позиции 1-го предударного слога» [18, II, с. 476]). Кроме того, что эта черта находит отражение при письменной передаче автором устной речи изображаемого персонажа ср. высказывания Горкина: *Преподобному пороботали топориком; Вот тот старец благословил их на хорошую работку ...; Роботали они хорошо, удачливо ...*, — она прямо подчёркивается и в авторской речи, точнее — в речи рассказчика, маленького Вани Шмелёва, который очень позитивно воспринимает эту особенность говора: ... *поокивает Горкин мягко, как все наши плотники, володимирыцы и костромичи, и это мне очень нравится, ласково так выходит*.

Рассматриваемый фрагмент речи Горкина, так же, как и предыдущий, насыщен деминутивами, придающими его высказываниям в разговорно-просторечном ключе как экспрессивность, так и особый, близкий к *народнопоэтическому*, колорит: *дорожка, недельку, работку, пареньку, топорик* (несколько употреблений в различных падежных формах).

В настоящей публикации, ввиду присущих ей рамок объёма, удалось лишь наметить те направления, по которым возможно, с нашей точки зрения, осуществлять анализ введённых в словесно-художественное произведение элементов различных групп общенародного русского языка, квалифицируемых на современном этапе его развития (а нередко — и в более ранние периоды существования) как *нелитературные*, выявляя при этом их как *семантическую*, так и *образно-ценностную* значимость, а также иные функции обусловленные приоритетностью в словесно-художественном произведении *эстетической функции языка*.

Уровень исследовательского интереса при рассмотрении коммуникативно-речевых образований, где язык предстаёт в эстетически осложнённом виде, в значительной степени обуславливается характером привлекаемого материала — в частности, тем, насколько высока в нём степень присутствия тех элементов, которые в первую очередь выявляются и / или систематизируются для последующего анализа. С этой точки зрения, текст повести И. С. Шмелёва «Богомолье», где, как можно было убедиться, интересующие нас в данном случае элементы общенародного русского языка (элементы, квалифицируемые как *нелитературные*) представлены в изобилии, видится словесным пространством, чрезвычайно «выгодным» для осмысления с точки зрения их функционирования в словесно-художественном пространстве.

Основной функцией этих элементов ожидаемо является *характерологическая*, реализуемая в первую очередь по отношению к столяру **Горкину**, также отчасти — по отношению к ребёнку, **Ване Шмелёву**, от имени которого ведётся повествование.

Помимо этого, *нелитературные* элементы участвуют в придании всему тексту (как авторской, так и персонажной речи) особой тональности — *разговорной*, переплетающейся с *народнопоэтической*: эта тональность принадлежит к числу наиболее характерных стилистических признаков повести И. С. Шмелёва «Богомолье» в принципе, являясь при этом выразительной чертой индивидуально-авторской манеры писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич:
Т. 1. А–Бишь. — СПб.: Наука, 2004. — 662 с.;
- Т. 9. Л–Медь. — СПб.: Наука, 2007. — 659 с.
2. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. А.С. Герд:
Т. 21. Прodelать–Пятью. — СПб.: Наука, 2012. — 630 с.;
- Т. 25. Свес–Скорбь. — СПб.: Наука, 2019. — 727 с.
3. Горшков А.И. Русская словесность: От слова к словесности / А.И. Горшков. — М.: Просвещение, 1996. — 336 с.
4. Киселёва Л.А. Просторечие / Л.А. Киселёва // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник [Электронный ресурс] / под ред. А.П. Сковородникова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Электрон. дан. — Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. — С. 488–489.
5. Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе / Н.А. Кожевникова. — М.: Институт русского языка РАН, 1994. — 336 с.
6. Кравченко Э.Я. Речь художественная / Э.Я. Кравченко // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко]. — М.: Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. — С. 208–210.
7. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Семиотические исследования по теории искусства / Ю.М. Лотман. — М.: Искусство, 1970. — 384 с.
8. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика / Н.Б. Мечковская. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 207 с.
9. Новиков Л.А. Поэтический язык / Л.А. Новиков // Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. — М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. — С. 356–358.
10. Пожарицкая С.К. Русская диалектология: учебное пособие. — 2-е изд, испр. и сущ. доп. / С.К. Пожарицкая. — М.: URSS, 2018. — 304 с.
11. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин:
Вып. 16. Куделя–Лесной. — Л.: Наука, 1980. — 376 с.;
- Вып. 17. Леснокаменный–Масленичать. — Л.: Наука, 1981. — 383 с.;
- Вып. 21. Негораздый–Обвива. /— Л.: Наука, 1986. — 360 с.
12. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Сороколетов:
Вып. 24. Осець–Отчураться. — Л.: Наука, 1989. — 367 с.;
- Вып. 27. Печечки–Подельывать. — Л.: Наука, 1992. — 401 с.;
- Вып. 30. Поприугомонить–Почестно. — СПб.: Наука, 1996. — 381 с.;
- Вып. 31. Почестно–Присутъ. — СПб.: Наука, 1997. — 432 с.;
- Вып. 32. Присуха–Протишь. — СПб.: Наука, 1998. — 271 с.;
- Вып. 34. Разлуканье–Ревенька. — СПб.: Наука, 2000. — 367 с.
13. Словарь современного русского литературного языка: в 17 тт.: Т. X. По–Поясочек. — М. — Л.: Наука, 1960. — 1774 стб.; Т. XII. Р. — М.–Л.: Наука, 1961. — 1676 стб.; Т. XVII. X–Я. — М.–Л.: Наука, 1965. — 2026 стб.
14. Степанов Ю.С. Язык художественной литературы / Ю.С. Степанов // Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. — М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. — С. 666–669.
15. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 4: С–Т. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. — 680 с.
16. Шапир М.И. Язык художественной литературы / М.И. Шапир // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под. ред. А.Н. Николюкина. — М.: НПК «Интелвак», 2001. — Стб. 1257–1263.
17. Шмелёв И.С. Богомолье / И.С. Шмелёв. — М.: Издательство АСТ. 2028. — 480 с. (Серия «Православные чудеса».)
18. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т.; под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. — 2-е изд., стер. — М.: ФЛИНТА, 2014. — Т. 1. — 840 с.; Т. 2. — 814 с.

Поступила в редакцию 25.03.2024 г.

**I. P. Zaitseva,
A. Yu. Chernikova**

**FUNCTIONAL-AESTHETIC LOAD NON-LITERARY LINGUISTIC ELEMENTS IN CHARACTER'S
SPEECH I. S. SHMELEV'S NOVELLA "THE PILGRIMAGE"**

The article analyzes the originality of the speech of one of the key characters in I. S. Shmelev's novella "The Pilgrimage" — carpenter Gorkin, whose statements, most of them in the form of monologized replicas, occupy a significant part of the verbal space of the artistic prose text. This peculiarity is largely determined by the inclusion in the character's speech of various non-literary elements of the language — primarily dialectisms, as well as

colloquial and colloquial words and expressions, which have not only an obvious characterological function, but also the function of giving the presentation a special — colloquially relaxed in combination with folk-poetic — tonality.

Key words: *national language, artistic speech, I. S. Shmelev, non-literary elements, compositional and speech zone of characters, characterological function, tonality of the text.*

Зайцева Ирина Павловна.

Доктор филологических наук, профессор.
Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь.
Заведующий кафедрой мировых языков.
E-mail: irinazaj91@mail.ru

Zaitseva Irina Pavlovna.

Doctor of Philology, Professor.
Vitebsk State University named after
P. M. Masharov,
Vitebsk, Republic of Belarus.
Head of World Languages Department.
E-mail: irinazaj91@mail.ru

Черникова Анастасия Юрьевна.

Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь.
Студент.
E-mail: anastasiachernicova4@gmail.com

Chernikova Anastasia Yurievna.

Vitebsk State University named after
P. M. Masharov,
Vitebsk, Republic of Belarus.
Student.
E-mail: anastasiachernicova4@gmail.com

УДК 821.161.1

М. А. Феоктистова © 2024

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»
(Научн. рук. — канд. филол. наук Н. Ю. Букарева)*

ОБРАЗ САДА В РОМАНЕ М. СТЕПНОВОЙ «САД»

В статье анализируется семантическое наполнение и функции образа сада в одноименном романе Марины Степновой. Под образом понимается особый способ отображения действительности, в котором соединены объективное и субъективное, познавательное и творческое начала, а также авторские и читательские оценки. Широко опираясь на традиции классической русской литературы и обращаясь к библейским мотивам, Марина Степнова расширяет смысловое поле текста, создав произведение, главным героем которого можно назвать сад — именно он играет ключевую роль в раскрытии характеров главных и второстепенных героев романа, а также является двигателем сюжета. Образ сада связан с мотивами изгнания, падения, чистоты, света, красоты, естественности, наполненности, страсти, любви и дружбы. Углубление линии того или иного персонажа романа оказывается связано с перемещениями во времени и пространстве. Настоящее в романе неразрывно связано с прошлым, поэтому вслед за прошлым и настоящее неотделимо от сада. Где бы ни оказывались герои романа, их действия, характер, мотивы поступков — всё связано с этим образом. Разностороннее раскрытие образа, вынесенное в заглавие романа Марины Степновой, определяет специфику произведения: «Сад» становится неким экскурсом в мир русского дворянства XIX века, созданным в наши дни.

Ключевые слова: *художественный образ, образ сада, мотив, современный литературный процесс, Марина Степнова.*

Искусство часто трактуют как мышление в образах. Российский теоретик литературы В. Е. Хализев отмечает, что ученые столетиями обращаются к художественному образу как к способу, «с помощью которого литература и другие виды искусства, обладающие изобразительностью, осуществляют свою миссию» [7, с. 101].